

Колдовские *Миры*
КИРЫ ИЗМАЙЛОВОЙ

КИРА ИЗМАЙЛОВА

СТАРОЕ ПЛАТЬЕ
КОРОЛЕВЫ

Москва

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ИЗ7

Разработка серийного оформления
А. Саукова, Ф. Барбышева

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

ИЗМАЙЛОВА, КИРА АЛИЕВНА.
ИЗ7 Старое платье королевы / Кира Измайлова. —
Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-110065-0

Эвина Увдир — сирота с рождения. Она не знает, кем был ее отец: мать уверяла окружающих, будто офицером, но как проверишь?

Она любит помечтать, но не в ущерб учебе: в пансионе ее держат только по милости пожилой директрисы, учившей еще мать Эвы. А еще Эва понимает: до выпуска осталось всего ничего и вскоре ей придется самой зарабатывать себе на хлеб. Хорошо, если директриса составит протекцию и устроит к знакомым или даже оставит в пансионе, а если нет?..

Но чудеса все-таки случаются, и Эва не может поверить своим ушам: ее отыскал отец и прислал своего поверенного! И ехать нужно немедленно: отец при смерти — старые раны вот-вот сведут его в могилу, а он мечтает увидеть дочь перед смертью.

И почему же Эве чудится подвох в этой истории, так похожей на любимые ею и настрого запрещенные в пансионе романы? Быть может, чудо окажется вовсе не добрым?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110065-0

© Измайлова К.А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Глава 1

Время сумерек — особенное. В сказках говорится, что именно в сумерках оживают чудеса. Не ночью, вовсе нет: тогда наступает законное время чудес, когда они властвуют безраздельно, только люди их не замечают. А вот граница ночи и дня, когда солнце еще не скрылось за горизонтом, но вечерние тени уже длинны и густы, — это те самые минуты, когда можно повстречаться с чудесами лицом к лицу.

Жаль, в нашем пансионе ничего подобного днем с огнем не сыщешь. Нет ни запертых комнат, в которых спят старые пыльные зеркала, отражающие будущее, прошлое и даже иные миры, ни палисадника, где можно заглянуть под куст сирени или в мышиную норку и обнаружить нечто удивительное. Кругом только камень да чахлые городские деревья, заключенные в чугунные решетки, словно арестанты. Время от времени нас, пансионеров, возят на прогулку в ботанический сад или даже за город, но разве можно отлучиться хоть на минуту, когда за тобой коршуном следит классная дама? Да и что это за прогулка: парами, рука об руку, по тропинкам...

Мне порой воображалось, как я убегаю в дремучий лес и брожу там босая по мягким мхам и шелковистым травам сколько заблагорассудится, собираю душистую

землянику и лесную малину, срываю цветы... Конечно, это были лишь мечты. Никаких дремучих лесов в округе давным-давно нет, а в чахлах рощицах, я слышала, ягод и не найдешь: первыми до них добираются деревенские дети, а чужаков, пришедших за их добычей, они могут и побить. И босиком мне доводилось ходить разве что по холодному полу общей спальни, в лесу же я непременно распоролла бы ногу о какой-нибудь сучок.

Но мечты есть мечты: в них жили прекрасные олени с добрыми темными глазами и бархатными носами, веселые птицы, забавные белки и зайцы, хитрые лисы и даже суровые хозяева леса — волки и медведи, которые предпочитали держаться подальше от людей, но могли заступиться за несправедливо обиженного...

Я вздохнула и перевернула страницу: оставалось решить две задачи, вот и вся моя повинность на сегодня. Остальные тоже корпели над уроками: слышались тяжелые вздохи и — клянусь, не лгу! — проклятия в адрес учителей.

Домашние девочки — так у нас называли тех, кто каждый день уходил из пансиона, отсидев занятия, — наверняка готовили уроки при уютном теплом свете ламп. Наверно, многим старые служанки или добрые бабушки приносили что-нибудь вкусное — скрасить тяготы учебы. А может, даже помогали, кто их разберет, этих бабушек с дедушками?

Мне не требовалась помощь, но мечты — мечты не оставляли меня, даже когда я выводила в тетради математические формулы и чертила пирамиды с цилиндрами, и воображение уносило далеко-далеко, стоило лишь представить, как сию минуту распахнется крашенная белой краской дверь, кто-нибудь позовет меня с порога и я устремлюсь навстречу чуду...

Дверь со скрипом отворилась, и горничная окликнула:

— Госпожа Эва! Пожалуйста к госпоже директорисе, и поскорее!

— Но что слу...

— Я слышала, ваш отец нашелся, госпожа Эва, так что поторопитесь! — громким шепотом ответила она, и классная комната загудела, будто разбуженный улей. Даже задремавшие над учебником древней истории девочки встрепенулись, сна как не бывало! Еще бы: все знали, что отец мой погиб на войне!

— Но как такое может быть? — растерянно спросила я.

— Не знаю, но поспешите, поверенный ждет — такой важный... — Мика, великая сплетница, причмокнула от избытка чувств и добавила, явно для остальных: — Похоже, госпожа Эва, отец ваш — знатный господин... Я видела карету...

Мои однокашницы бросились к окнам: если встать на подоконник, то можно рассмотреть что-нибудь за углом, возле подъезда, где останавливаются гости.

— Уже иду, — сказала я и принялась складывать книги, но они валились из рук. — Сию минуту...

— Оставьте, госпожа Эва, велено привести вас как можно скорее. — Горничная взяла меня за плечи и развернула к двери. — Не убегут ваши книжки с тетрадками!

Уже в коридоре Мика быстро пригладила мне волосы, поправила воротничок и манжеты, одернула платье и вздохнула, увидев чернильное пятно у меня на ладони.

— Идемте, госпожа, — сказала она. — Этот господин ждать не будет, у него много дел, сразу видно: все на часы смотрит, наверно, опоздать куда-то боится.

— Мика, но... откуда он взялся? — спросила я, едва поспевая за размашистым шагом рослой горничной. — Так же не бывает!

— Ни у кого не бывает, а у вас, госпожа, одни сказки на уме, вот, наверно, Богиня и сжалилась — сделала одну такую правдой, — скороговоркой ответила она. — Нет, а что такого? Если вас приодеть, причесать как следует — выйдет знатная девица не хуже прочих! И матушка ваша была красивой, я слышала, сама-то не застала...

До кабинета директрисы оставались считанные шаги, и мне не хотелось туда входить. Было страшно.

Однако Мику мои переживания не волновали: она приоткрыла тяжелую дубовую дверь, коротко присела, едва обозначив поклон, — так делали все горничные, — и доложила скороговоркой:

— Госпожа Увве, воспитанница доставлена.

— Хорошо, пока можешь быть свободна, — кивнула ей директриса и поманила меня к себе. — Подойди, дитя мое...

Я подошла, не забыв приветствовать ее и гостя приличествующим случаем реверансом, и замерла в ожидании.

— Вот, господин, это и есть Эва Увдир, — произнесла директриса, взглянув на незнакомца.

Он был небольшого росточка, вряд ли выше меня (хотя сложно судить по человеку, угнувшему в таком кресле), полным, но не толстым, крепко сбитым. Короткие светлые волосы он причесывал на косой пробор. На мягком округлом лице выделялся забавно вздернутый нос, а бровей, мне показалось, у гостя вовсе нет, так, едва заметный намек на них. Зато губы были пухлыми и красными, и он часто облизывал их.

— Фамилия, как я понимаю, не настоящая? — спросил он.

— Я ведь уже сказала вам, господин...

— Полагаю, вас не затруднит повторить? Может быть, девушка внесет какие-то коррективы в вашу историю?

— Как вам угодно. — Госпожа Увве выпрямилась, хотя, казалось, сильнее уже некуда, и поджала тонкие губы. — Мать Эвы была воспитанницей нашего пансиона. Сирота, дочь погибшего на войне офицера, как мы полагали.

«Совсем как я», — мелькнуло в голове.

— Вы полагали?

— Да, так утверждала ее мать, и документы были в порядке... на первый взгляд, а проверять никому и в голову не приходило до тех самых пор, покуда эта несчастная женщина исправно платила за обучение и содержание дочери.

— И что потом?

— Случилась вспышка заразной болезни в том местечке, где она жила, и... — Госпожа Увве развела руками. — Плата перестала поступать. Моя предшественница навела справки и выяснила чуть больше, чем следовало бы.

— Вы об этом не упоминали, — заметил толстячок. Он не смотрел на меня прямо, не замечал, словно я была вешалкой или там половичком возле двери, но я все равно ощущала его внимание, обращенное ко мне. Удивительно странное и неприятное чувство. — А я ведь просил быть честным со мною.

— Я была более чем откровенна, — отрезала она. — Но не вдавалась в детали.

— Вы уверены, что девушке следует слышать о подобном?

— Она в курсе, — сказала директриса, взглянув на меня, и я потупилась. Конечно же, я знала правду с самого раннего детства, знала и молчала. — Итак, госпожа Ивде — она была крайне дотошна — выяснила, что мать осиротевшей воспитанницы никогда не была замужем, а бумаги, в том числе брачное свидетельство и свидетельство о рождении девочки, — искусная подделка. Очевидно, несчастная женщина потратила все, что у нее имелось, лишь бы обеспечить дочь документами, с которыми ей была открыта дорога в хороший пансион. Ну а на оплату зарабатывала как могла...

— Наверно, при девушке говорить о подобном действительно не стоит! — перебил толстячок.

— Вы подумали о каком-то непотребстве? — приподняла бровь госпожа Увве. — Конечно, с точки зрения большинства обывателей работа поденщицей и ночной сиделицей в винной лавке — это дно человеческой жизни, однако...

— Я вовсе не об этом подумал, прошу меня извинить, — поднял он руки.

— Я не стану утверждать, будто не было чего-то иного, — медленно выговорила директриса, и я почувствовала, будто с меня заживо сдирают кожу, хотя речь шла не о матери даже, о бабушке, которой я и не видела никогда. Только на мутном снимке, где даже черты лица не разберешь толком... — Но вряд ли на постоянной основе. Госпожа Ивде видела ее, когда та приезжала проведать дочь: успешные... гм... женщины подобного рода занятий выглядят иначе. И по рукам сразу все понятно, даже если спрятать их под перчатками, не так ли?

Он молча кивнул.

— Госпожа Ивде была, кроме всего прочего, крайне великодушной женщиной и не считала, что дочь долж-

на отвечать за проступки матери, — продолжила госпожа Увве. — Она поведала обо всем этом только мне, своей приемнице. И то, о чем я сейчас говорю вам, господин...

— Я ведь дал клятву молчания, — перебил он и наконец-то посмотрел на меня в упор. Взгляд его был словно крапивный ожог.

— Хорошо. Девочка выросла в пансионе — госпоже Ивде всегда удавалось собирать достаточно пожертвований на сирот, — и осталась здесь учить малюток, — устало продолжила госпожа Увве. — Она была очень умна, хорошо находила общий язык с детьми, и я думала: быть может, с годами она заменит меня, как я — свою предшественницу? Но увы...

— Она пошла по стопам матери?

— Да, — обронила директриса. — Когда все вскрылось, было слишком поздно предпринимать какие-либо меры, если вы понимаете, о чем я. Бедная Илле скончалась вскоре после родов, но имени отца своего ребенка не назвала даже на смертном одре.

— А девочку, по устоявшейся традиции, оставили в пансионе? — усмехнулся толстячок.

Что-то в нем было не так, что-то казалось мне неправильным... Он словно бы натянул чужую маску, вот что. И маска эта была ему не по размеру... Право, не знаю, как лучше сказать.

— Да.

— И свидетельство о рождении у нее поддельное?

— Разумеется. — Морщинистая шея госпожи Увве дернулась. — Она родилась в год войны, совсем как ее мать. Много молодых людей... м-м-м... вступали в отношения перед тем, как отправиться на фронт, и Эва стала плодом подобной связи. Ее отец даже зарегистрировал брак с Илле, как она уверяла, а затем пришло известие

о его гибели. Увы, мы не нашли в бумагах Илле свидетельства о браке, в книгах брачных записей нашего городка тоже ничего нет... Пришлось...

— И не страшно вам было ввязываться в подобное?

— Это дело рук госпожи Ивде, ныне покойной. Она любила Илле, как родную дочь, поэтому... Неужели родители допустили бы, чтобы их девочки находились рядом с незаконнорожденной?

— Но вы обо всем этом знали, не сомневаюсь, — негромко произнес толстячок, встал и сделал несколько шагов по кабинету. — Раз уж были преемницей, причем как раз такого возраста, в котором могли заниматься подобными поручениями. Не старушка же собственной персоной искала определенного рода умельцев?

Теперь несоответствие его внешности и движений сделалось особенно заметным. Наш учитель математики тоже невысокий и очень полный, но он ведет себя совершенно иначе. Порой видно, что он озабочен тем, как бы не опрокинуть стул, не застрясть между слишком тесно составленными ученическими столами, когда прохаживается по классу во время самостоятельной работы и подходит заглянуть в чью-нибудь тетрадь... Этот странный господин не замечал препятствий. Удивительно: я была уверена, что он никак не протиснется между креслом и столиком к подоконнику, но ему это удалось, и он даже ничего не уронил!

А еще учителя мучает одышка, ему всегда жарко, и он носит с собой по меньшей мере дюжину носовых платков: любое физическое усилие — даже подъем на один лестничный пролет — заставляет его обильно потеть, и выглядит это не особенно приятно. Несомненно, наш бедный господин Агсон сознает, что предстает в глазах воспитанниц далеко не образцом мужественно-

сти, смущается, а от этого все становится только хуже... Впрочем, я отвлеклась, а ведь лишь хотела сказать, что незнакомец был свеж, как ландыш поутру.

— Если вам обеим так нравилась Илле и впоследствии Эва, если вы не желали отдавать их в сиротский приют, отчего же не взяли их на воспитание, не дали свою фамилию?

— Но мы...

— Увидир? — усмехнулся он. — Дочь Увве? А ее мать, наверно, звали Илле Ивдир? Вы с наставницей полагали, никто не помнит древних языков, а если изучал их в юности, то давно позабыл и ни о чем не догадается?

— Вы правы, — директриса натянуто улыбнулась.

— Это, конечно, красивый жест, но дать имя способен любой бедняк. А госпожа Ивде была бездетна, если не ошибаюсь, как и вы? Что же помешало вам взять на себя настоящую заботу о сиротках? — негромко спросил он, повернувшись к нам спиной. — Впрочем, я догадываюсь. Так не вышло бы использовать деньги попечителей, которые щедрой рукой отсыпали на содержание бедных девочек. Пришлось бы содержать малюток за свой счет, а жалованье у учительницы и даже директрисы пансиона не особенно велико. Я прав?

На щеках госпожи Увве, желтоватых и морщинистых, вспыхнули неровные красные пятна.

— Спешим это на то, что вы радели о благе не только этих бедняжек, но и пансиона в целом, — сдержанно улыбнулся толстячок. Я видела его отражение в оконном стекле — эта улыбка тоже принадлежала человеку под маской, которая не слишком-то хорошо слушалась хозяина. — В любом случае в мои обязанности никак не входит карать вас за подобные прегрешения, госпожа Увве, равно как и сообщать о них в соответствующую

щие инстанции. Главное, девушка отыскалась живой и невредимой.

— Почему вы так уверены, что Эва — та самая? — выговорила директриса.

— Вы полагаете, ваш пансион первый, в который я наведалься? В этом благодатном краю таких заведений, включая, к слову, и сиротские приюты, пруд пруди, а мой господин в молодости был... гхм... любвеобилен.

— И тем не менее? — Госпожа Увве взяла себя в руки, румянец на ее щеках поблек, а глаза заблестели. — Вы говорили о внешнем сходстве, о том, как описывал ваш господин покойную Илле, но Эва не слишком-то походит на мать, и я об этом упоминала. Тем не менее вы уверенно говорите, будто Эва — именно та, которая вам нужна. Да ведь в пансионе найдется не меньше двух десятков девушек схожей наружности!

— Вы полагаете, я собираю девиц со всей округи, чтобы отвезти к моему нанимателю и предъявить их ему — пускай выбирает подходящую? — сощурился толстячок. И снова из-за собравшейся складки личины выглянул кто-то другой, опасный, недобрый. — Разумеется, я езжу по этому поручению не с пустыми руками! Вот, взгляните сами...

Он вынул из внутреннего кармана небольшую подвеску: красно-бурый кулон вертелся на цепочке и выглядел обычной галькой, которой усыпаны дорожки в ботаническом саду.

— Этот амулет зачарован на кровь хозяина, — сказал толстячок, — и он реагирует на близкое присутствие родственников. Если же девушка позволит уколоть ей палец, то мы убедимся наверняка...

— Эва, — кивнула мне директриса, и я покорно протянула руку, хотя это было все равно что сунуть ее в пасть огнедышащему дракону.

Ничего страшного со мной, впрочем, не произошло, я даже не почувствовала укола, а вот амулет вдруг вспыхнул и сделался похож на большой рубин. Сияние, правда, вскоре угасло, но в глубине камня еще мерцала алая искорка.

— Вот видите, — сказал толстячок. Он улыбался, но глаза на его лице жили собственной жизнью, и были они очень усталыми, злыми и недобрыми. — Что и требовалось доказать. Могу поздравить вас, девушка.

— Благодарю, господин. — Я на всякий случай снова присела в реверансе, а потом взглянула на директрису. Она казалась растерянной.

— Я хотел бы забрать Эву немедленно, — произнес он.

— Но... К чему такая спешка? — вскинулась директриса. — Учебный год едва начался, так, может, девочке лучше...

— Теперь не вам решать, что лучше для нее, — негромко сказал толстячок. — Отец желает видеть дочь немедленно. Он умирает — последствия ранения, видите ли, — и у него мало времени.

Директриса ахнула и прижала пальцы к губам, а я застыла, словно изваяние.

Это... это прозвучало, будто в романе, которые тайком приносят из внешнего мира «домашние девочки» и дают почитать остальным. Не даром, конечно же: я расплачиваюсь решенными задачками, рисую карты и пишу сочинения, да еще стараюсь сделать это так, чтобы никто не заподозрил подвоха. Увы, иначе мне никак не добыть книги, не разрешенные в пансионе, а запрещено здесь почти все. Если бы не попустительство директрисы, дозволившей мне рыться в ее собственной библиотеке, я бы не только о любви, а даже и о путешествиях, приключениях и научных открытиях ничего не прочла!